

Тук-тук-тук!

Ранним утром у ветхой лачуги в заброшенном углу заднего двора поместья Се уже собралась огромная, галдящая толпа.

Служанки и прислужницы колотили в дверь так, что грохот стоял до небес, и без умолку орали:

— Се Цзиньхуань, живо открывай!

— Родительское слово да слово свахи — закон! Господин уже дал согласие на этот брак, и пойти на попятную никак нельзя!

— Такому, как ты, гэру, что сам начальник уезда на тебя глаз положил — так это ж благословение, заслуженное в восьми прошлых жизнях! Будь благоразумным, выходи по-хорошему замуж, не задерживай счастливого часа!

Старая Хуан, что верховодила всеми, стояла подбоченившись и уже долгое время бранилась перед дверью. Служанки аж ладони себе отбили, но изнутри не доносилось ни звука.

Дверь по-прежнему оставалась плотно закрытой, без малейших признаков того, что её собираются открывать.

Узкие глазки старой Хуан метали пламя. Она в сердцах обругала никчёмного гэра, который совсем не знает, что для него хорошо, и ткнула пальцем в толпу:

— Вы двое, вышибайте дверь!

Двое слуг послушно шагнули вперёд и с размаху ударили в дверь. Действовали они споро, ничуть не заботясь о том, что перед ними — старший молодой господин поместья Се.

Да и кто в этом доме не знал, что госпожа уже много лет прикована к постели тяжёлой болезнью и вместе со старшим молодым господином давно утратила всякое влияние.

И сейчас в семействе Се всем заправляла вторая госпожа!

Даже если это дело дойдёт до верхов, господин всего лишь закроет на всё глаза и совершенно точно не станет вмешиваться и наводить порядок.

Вторая госпожа, самое большее, для вида устроит им на словах выволочку и спустит всё на тормозах.

На деле же, пока скандал не становится достоянием чужих ушей, их вовсе не наказывают. А

если вторая госпожа бывает довольна, она, напротив, тайком награждает их.

Так что подобными издевательствами они промышляли не впервой, и со временем это вошло у них в привычку.

Ветхая деревянная дверь насчитывала уже много лет и совершенно не выдержала мощных ударов двух сильных слуг.

Не прошло и нескольких толчков, как вся дверь — и створка, и косяк — вместе рухнула на землю, издав оглушительный грохот.

Старая Хуан с воинственным видом ворвалась внутрь. Мысль о том, что её так долго продержали перед запертой дверью, жгла её изнутри затаённой злобой.

Ей не терпелось выволочь того, кто прятался в доме, и хорошенько проучить.

Однако, обшарив тесную комнатку, она, кроме жуткого разгрома, не обнаружила ни следа живого существа.

Этот проклятый гэр непонятно когда исчез, оставив после себя совершенно остывшую постель.

Боги, вот беда-то!

В душе у старой Хуан всё похолодело от ужаса. Она опрометью бросилась во двор второй госпожи, на бегу истошно вопя во всю глотку:

— Беда, госпожа! Хуань-гэр сбежал!

Небо ещё только светало, ночной мрак был густым. Из безлюдного переуллка доносилось сдавленное шипение.

— Ш-ш-ш...

Се Цзиньхуань, одетый в одну лишь тонкую хлопковую робу синего цвета, с небольшим узелком за спиной, в полном одиночестве брёл по тонущей в тумане улице.

От быстрой ходьбы рана на лодыжке начала болеть всё сильнее.

Он шумно втягивал воздух сквозь зубы и, цепляясь за стену вдоль улицы, с трудом ковылял

вперёд. Холодный пот градом катился по щекам, быстро пропитывая одежду на груди насквозь.

Се Цзиньхуаню было не до этого. Он кое-как вытер широким рукавом пот, застилавший глаза, и продолжил, прихрамывая, тащиться в сторону городских ворот.

Спустя почти целый час он наконец с огромным трудом доковылял до них.

К этому времени небо уже совсем посветлело, и наступил час пик, когда народ входил в город и покидал его. По обе стороны от ворот выстроились длинные вереницы людей.

Се Цзиньхуань не стал соваться вперёд очертя голову. Он спрятался поодаль и некоторое время украдкой наблюдал, заметив, что на выходе из города стоит заметно больше стражников, чем на входе.

Каждый из них держал в руках какой-то портрет и подвергал самому тщательному досмотру каждого, кто покидал город, особенно гэров.

Сердце Се Цзиньхуаня ухнуло вниз, кулаки сами собой сжались до побелевших костяшек.

Можно было не гадать: его побег определённо уже раскрыли.

И ловили его, похоже, не только по приказу его отца Се Чуна, но и с подачи самого начальника уезда. Ведь возможностей одного лишь отца ни за что не хватило бы, чтобы привести в движение чиновников из управы.

Се Цзиньхуань помедлил, прежде чем с трудом подавить панику в душе.

Он настороженно проверил свою маскировку и, лишь убедившись, что, вытирая пот, не потревожил место меж бровей, и что наклеенные на лицо усы по-прежнему на месте, набрался смелости, поковылял вперёд и встал в самый конец очереди.

Проверка на выезде была строгой. Прошло немало времени, прежде чем подошла его очередь.

Один из стражников смерил его взглядом с головы до ног и грубо спросил:

— Ты! Имя?

Се Цзиньхуань втянул голову в плечи, изображая испуг, — и это было не совсем притворство, он и вправду боялся до смерти.

— От... отвечаю господину стражнику, малого зовут Хэ Дун, — он намеренно понизил голос,

чтобы тот звучал грубее.

Стражник всё тем же ледяным тоном приказал:

— Подними голову!

Се Цзиньхуань сжал кулаки, сердце подскочило к самому горлу.

Но стражник не сводил с него глаз, послушаться было никак нельзя, и ему волей-неволей пришлось медленно поднять голову.

Стражник с портретом в руке подался вперёд и принялся пристально разглядывать лицо Се Цзиньхуаня, хмурые брови его сошлись в тугой узел.

— М-м, черты лица... Да, есть сходство на семь-восемь десятых.

Жаль только, что межбровье было чистым, без характерной для гэра алой метки. Кожа — смуглая, и вдобавок пробивались короткие усики. Словом, самый настоящий парень.

Стражник перестал приглядываться и перешёл к формальностям:

— Куда направляешься?

Голос Се Цзиньхуаня от напряжения сорвался:

— В уезд Чэнъянь, посёлок Таосян.

— Дорожная грамота?

— Есть, есть!

Се Цзиньхуань торопливо вытащил из-за пазухи сложенную ровно дорожную грамоту и протянул обеими руками.

Это была охранная грамота, которую его мама Юй Цинъюэ, опустошив свои личные сбережения, раздобыла для него именно для того, чтобы пройти проверку на выезде из города.

Стражник взял её, вертел в руках так и эдак, проверяя. В грамоте чётко значилось имя «Хэ Дун», стояла ярко-красная казённая печать управы, и не было ни следа подделки.

Стражник нетерпеливо махнул рукой:

— Ладно, проходи! Следующий!

Се Цзиньхуань, словно помилованный, наконец-то дал своему повисшему в груди сердцу немного опуститься. Втайне радуясь сообразительности матери, он поспешно опустил голову и поковылял прочь из города.

Другой стражник пристально смотрел на его тощий силуэт, и в его глазах читалось подозрение:

— Что за мужик, а вид такой бабский? Не иначе как обман какой?

— Эй, тот, что впереди... Хэ Дун, а ну стоять! Дай-ка я на тебя ещё раз взгляну!

Услышав окрик за спиной, Се Цзиньхуань весь оцепенел. Кровь, казалось, мгновенно застыла у него в жилах, а ноги будто приросли к земле — он не мог пошевелиться.

У него возникло сиюминутное желание броситься бежать со всех ног.

Но он не посмел.

И когда он уже готов был, стиснув зубы, повернуть назад, стражник, проверявший его ранее, остановил своего товарища.

— Что за глупые домыслы? Бывают же люди с такой внешностью от природы. Да и к тому же, о том молодом господине Се на портрете не было слышно, чтобы он хромал. Не трать попусту время, люди в очереди заждались!

Подозрительный стражник поразмыслил и решил, что тот прав. Очередь и впрямь была длинная, задерживаться было нельзя, так что пришлось ему отступить.

— И то верно... ладно, проехали. Следующий!

Избежав верной гибели, Се Цзиньхуань, позабыв о боли, стиснул зубы и почти бегом, вперемешку с прыжками, устремился прочь.

Оказавшись наконец за пределами городских ворот, он перевёл дух и, ухватившись за ствол дерева, принялся жадно глотать воздух.

Пронесло! Едва не попался!

Отдышавшись, Се Цзиньхуань только сейчас с опозданием почувствовал, как сильно у него

болит нога.

Он нашёл камень и присел. Лицо его побелело, губы — тоже, почти до полного отсутствия цвета.

Но, несмотря на это, он не осмеливался задерживаться, боясь, что стражники одумаются и бросятся за ним в погоню. Он поспешно вытащил из-за пазухи карту с маршрутом, которую приготовила ему мама, и стал её изучать.

Мама говорила: если всё время идти на север, можно добраться до места под названием посёлок Таосян, а там отыскать деревушку под названием Цинлюцунь. Там, расспросив людей, он сможет найти дом дедушки и бабушки.

В его узелке было ещё письмо, написанное мамой собственноручно. Прочитав его, они наверняка согласятся приютить его.

Взгляд Се Цзиньхуаня блуждал по карте в поисках «посёлка Таосян» и «деревни Цинлюцунь».

С дедушкой и бабушкой, которых он никогда не видел, у него не было никаких связей. И он не знал, как они отнесутся к такой «обузе», как он.

Но в душе он прекрасно понимал: даже если дом родных матери окажется логовом дракона или тигриным логовом, это будет в сотни раз лучше, чем оставаться в семье Се!

В детстве, по малолетству, он не понимал и, возможно, ещё лелеял надежду на отцовскую любовь. Даже сомневался, может, это он сам недостаточно хорош и послушен, поэтому Се Чун его так невзлюбил.

Но с тех пор как ему исполнилось тринадцать, он больше ни на что не надеялся.

А после истории с принуждением стать наложником он и вовсе испытал полное разочарование.

В глазах его отца Се Чуна он был всего лишь вещью, которой дожидались подходящей цены.

И единственная его ценность заключалась в том, чтобы этим своим смазливym личиком льстить и угождать другим, взамен на долгосрочные выгоды для семьи Се.

Се Цзиньхуань не мог с этим смириться. И не желал.

С какой стати одно его слово способно загубить всю его жизнь?

Он не мог по-глупому сидеть сложа руки, покорно ожидая гибели. Ему нужно было во что бы то ни стало, и как можно скорее, покинуть это место!

<http://bllate.org/book/19685/1949342>